

богатый материал для сравнительно-исторических исследований духовной культуры населения изучаемого региона.

М. Я. Жорницкая выявила типологию и особенности танцевального искусства эскимосов, чукчей, коряков, ительменов и показала роль традиционных танцев в современной жизни, использование их в художественной самодельности и роль этого вида творчества в развитии нового танцевального искусства. В ряде случаев автор проследивает взаимодействие художественных традиций разных народов.

Книга богато иллюстрирована. Приведенные фотографии одновременно являются «изобразительным текстом» к описанию танцев и материалом для воссоздания народного и сценического костюма, а также общей атмосферы того или иного действия.

Рецензируемая книга позволяет переосмыслить некоторые факты, касающиеся генезиса танцевального искусства, и приобщиться к интересному духовному миру коренного населения Северо-Востока Сибири. В этом ее сила, научная и познавательная ценность.

Э. Х. Петросян, Ж. К. Хачатрян

И. Б. Молдобаев. Эпос «Жаныш и Байыш» как историко-этнографический источник. Фрунзе: Илим, 1983. 179 с.

Работа киргизского исследователя И. Б. Молдобаева посвящена анализу эпоса «Жаныш и Байыш», до настоящего времени оставшегося мало изученным. Рецензируемое исследование в значительной мере восполняет этот серьезный пробел.

Говоря о значении работы в целом, хочется в первую очередь отметить умелый конкретный анализ. Автор тонко, со знанием дела по крупицам извлекает из эпоса историко-этнографические сведения. Неопытным подспорьем для него при этом является живое ощущение стихии родного языка, понимание бытовых реалий киргизов. В научный оборот вводится много нового, ранее не публиковавшегося материала. Большая предварительная работа была проделана самим автором, собиравшим в течение ряда лет сведения о народном быте и фольклоре в различных районах Киргизии. И. Б. Молдобаев подробно и внимательно сопоставляет варианты эпоса, записанные от разных сказителей. В приложении приводятся их краткие биографии и даны сведения об их исполнительском репертуаре.

В первой главе, посвященной общей характеристике эпоса, большой интерес представляет анализ топонимии, сделанный профессионально с привлечением параллельных источников (других эпических сказаний киргизов, исторических хроник, описаний путешественников). И. Б. Молдобаев убедительно аргументирует сказочный, метафорический характер ряда встречающихся в «Жаныш и Байыш» названий. Это, по его мнению, озера Айдын-Кель (точный перевод — Зеркальное чистое озеро, с. 33), Баш-Кель и Орто-Кель (Головное и Срединное озера, с. 36). Другие названия автор считает возможным идентифицировать. Например, сказитель А. Куюков вводит в свое повествование озеро Кара-Кель (Черное озеро), которое находится в Ошской области (с. 37). Недостаточно обоснованной, на наш взгляд, выглядит попытка идентифицировать озеро Ала-Кель (Пестрое озеро) именно с озером, расположенным на территории Семипалатинской области (с. 35). Сам же И. Б. Молдобаев чуть раньше сообщает о том, что два озера с аналогичными названиями встречаются также на территории Киргизии (с. 34).

Рассматривая вопрос о времени сложения эпоса, автор считает возможным отнести его ко второй половине XV—XVII в. Он обращает внимание на то, что в указанный период существовали тесные взаимоотношения между киргизами и казахами. Это подтверждают не только материалы эпоса, но и различные другие источники. Однако, на наш взгляд, такая близость не находит в работе четкой интерпретации; ведь, очевидно, нужно говорить не просто о союзнических отношениях между двумя народами (с. 48), но и их глубоким родстве — факт, кстати, отмеченный и самим автором, который пишет, что «киргизский род Алакын этнически связан с казахами» (с. 48).

Во второй главе И. Б. Молдобаев анализирует информацию о хозяйстве и социальном составе киргизов, содержащуюся в различных версиях «Жаныш и Байыш». Автору удалось извлечь из эпоса интересные сведения о существовании земледелия у киргизов уже в период позднего средневековья (с. 55). Конечно, как считает автор, эпос не дает, да и не может дать целостной картины хозяйства, но отдельные черты хозяйственной деятельности, например красочный рассказ о том, как строился мост, представлены правдиво и реалистично (с. 57—58).

Заслуживает внимания попытка И. Б. Молдобаева объяснить различие между терминами «бек» и «бий»¹, которые ряд исследователей считает синонимичными (с. 68). «Из контекста эпоса „Жаныш и Байыш“ явствует, что по занимаемому положению беки стояли выше биев», — отмечает автор (с. 72). Кроме того, по его мнению, термин *бек* появился раньше, чем термин *бий*. Разумеется, материалов одного только эпоса недостаточно для исчерпывающих выводов, но И. Б. Молдобаев делает определенный вклад в дискуссию по этому вопросу, продолжающуюся и поныне.

Во второй главе эпос рассматривается как исторический источник. Разумеется, реконструировать историческое прошлое по фольклорным материалам нелегко, но неко-

¹ Ср. с объяснениями, приводимыми в кн.: Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М., 1965, с. 125.

торые принципиальные моменты выявить можно. На наш взгляд, автор прав, делая на основании анализа материалов «Жаныш и Байыш» вывод о том, что упоминания о представителях феодального аппарата в лице ханов, беков, биев и т. д., стоящих над народными массами, и о таких атрибутах власти правителей, как казна, печати (*маоор*), знамена (*туу*) и т. п., явно свидетельствуют о постепенном формировании киргизской государственности, «хотя в силу определенных исторических условий у киргизов и не сложилось единого централизованного государства типа крупных среднеазиатских ханств» (с. 91).

Третью главу работы И. Б. Молдобаев посвятил культурно-бытовым особенностям киргизского народа, выявленным в результате анализа эпоса. Большой интерес представляет информация о материальной культуре киргизов. Отметим описание защитной верхней одежды (*ак-олпок*, с. 95) и шубы из перьев утки (с. 97); такая одежда практически не рассматривалась в этнографической литературе. Интересные сведения в эпосе нашел автор о старинной походной пище *кюль-азык*, о которой ему поведал сказитель Орузбай Урмамбетов (с. 99—100).

Пожалуй, наиболее удачен раздел этой главы, посвященный разбору сведений о киргизской народной медицине в «Жаныш и Байыш». Разумеется, эти сведения имеют лишь вспомогательное значение при изучении конкретного опыта киргизской народной медицины. Однако в ряде случаев устная народная традиция может быть весьма полезной для уточнения наших знаний. Так, например, в «Жаныш и Байыш» описывается народный хирургический инструмент *тинтуур*. В «Киргизско-русском словаре» К. К. Юдахина это слово переводится как *ланцет*. Однако из материалов эпоса, подтвержденных недавними археологическими раскопками², выясняется, что перевод К. К. Юдахина неправилен. Термин *тинтуур*, по мнению И. Б. Молдобаева, следует переводить словом «стрелонискатель». Сказитель О. Урмамбетов рассказывал, ему, что *тинтуур* изготовлялся из чия, таволги (кустарник с очень крепкой древесной), а также из золотой и серебряной проволоки толщиной примерно со стебель чия. На конце инструмента крепился шарик или выпуклый предмет (с. 119). Данное терминологическое уточнение представляется нам важным. Оно показывает, насколько серьезной для истории медицины может оказаться помощь исследователя-фольклориста.

В последнем разделе третьей главы рассматриваются религиозные воззрения киргизов, отраженные в эпосе. «Жаныш и Байыш», по мнению автора, может служить хорошим индикатором народных религиозных представлений. В книге справедливо отмечается, что исламизация киргизов была неглубокой, и в период позднего средневековья доисламские верования среди них еще были весьма широко распространены. В доказательство приведен такой пример. Киргизский правитель Асылкан отправился в Медину, чтобы просить всевышнего избавить его от бездетности. Он повстречался с Кыдыриязом³, который уверил Асылкана в том, что у него будут дети и предложил ему возвратиться домой (с. 123). В этом эпизоде автор усматривает «смешение мусульманской религии и представлений киргизов о добрых духах» (с. 123—124). На наш взгляд, этот вывод не вполне правомерен. Здесь, как представляется, происходит встреча и слияние двух миров: ислама и первобытных верований. Мощная исламская традиция абсорбирует местные верования, и Кыдырияз, добрый дух киргизского фольклора, одновременно становится одним из мусульманских святых.

Этнографии нужны и конкретные, и обобщающие исследования. Рассмотренная нами работа принадлежит к первому типу. Автор хорошо чувствует первоисточник, умеет «добывать» нужный ему материал. Заметно слабее в работе попытки интерпретации материала. Иногда встречаются и неточности: например, слово «эмир» арабского, а не персидского происхождения, как указано в книге (с. 69). В целом же следует подчеркнуть, что работа вводит в научный оборот свежий материал и вносит заметный вклад в процесс научного освоения киргизских эпических сказаний.

М. Ю. Роцин

² Грач А. Д., Молдобаев И. Б. Об одном древнем инструменте народной медицины.— Сов. этнография, 1983, № 3, с. 97—99.

³ Добрый дух киргизского фольклора, чаще называется Кыдыр-Атой.